

Кир Булычев

Петушок

*Часть сборника
Монументы Марса (сборник)*

Кир Булычев

Петушок

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161556
Монументы Марса: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18314-0

Аннотация

«Улица, огражденная глухими заборами, которые порой нехотя раздвигались, чтобы дать место одноэтажному фасаду в три окна, повернула под прямым углом, и неожиданно я увидел внизу реку...»

Содержание

1

Конец ознакомительного фрагмента.

4

13

Кир Булычев

Петушок

1

Улица, огражденная глухими заборами, которые порой нехотя раздвигались, чтобы дать место одноэтажному фасаду в три окна, повернула под прямым углом, и неожиданно я увидел внизу реку.

Улица круто стремилась к берегу, к пристани, а затем, на том берегу, так же круто поднималась вверх и исчезала в лесу. Город переплеснул через реку, но сил его хватило еще на десяток домов.

Пристань была внизу, я видел ее красную крышу. Под крышей прочел название «Мослы». Название меня удивило, потому что сам городок назывался иначе. Но и слово «Мослы» что-то означало.

Возле пристани толпились люди, стояли два фургона и автобус. Снимали кино.

Я знал, что там снимают кино, потому что специально шел туда. И знал, что действие этой комедии происходит в городе «Мослы», потому что такого города нет, я его сам придумал – маленький, чудаковатый городок. Но обыкновенность вывески на пристани и обыкновенность самой пристани за-

ставили меня забыть, что город «Мослы» пять лет назад родился в моем воображении, а надпись сделал, конечно же, художник киногруппы.

И когда я осознал, в чем дело, то улыбнулся от благодарности к художнику, который обманул меня и заставил так просто поверить в собственную выдумку.

Розинский, режиссер фильма и мой приятель, стоял у камеры. Он увидел меня издали, когда я спускался к реке, но, как молодому человеку и начинающему режиссеру, ему важно было показать, насколько он занят. Поэтому он не пошел ко мне навстречу, а ждал меня у камеры.

– Ну как? – спросил он меня. – Ты так себе все представлял?

– Иначе, – сказал я. – Но мне нравится, как ты все это представляешь.

Подошла девочка с белым щенком на руках. Она нетерпеливо ждала, пока мы кончим говорить, ей наш разговор был неинтересен, а я непонятен и чужд. Наконец она не выдержала и сказала:

– Иван Сергеевич, посмотрите, я принесла.

– Вот именно, – сказал Розинский. – Именно такой.

Голос его приобрел несвойственную сладость. Так люди, не умеющие вести себя с детьми, разговаривают с ними.

– Надюша, – сказал он, – наша звезда. И первая помощница. Правда, Надюша?

– Я его кормила, – сказала Надя, глядя щенка. – Можете

не кормить.

– Ты будешь играть с ним на травке, – сказал Розинский. – Вон там. А когда проедет машина, ты помашешь ей рукой.

– Я знаю, – сказала Надя. – Мне Виктория говорила.

– Удивительно талантливый ребенок, – сказал Розинский. – Вообще я хочу снимать детский фильм. С детьми так интересно работать. У них есть непосредственность, утерянная актерами. Ты как думаешь?

Я не успел ответить, потому что оператор отбросил окурок сигареты и сказал:

– Солнце уйдет.

Оператор, второй режиссер Виктория и директор картины – старые киноволки – относились к Розинскому снисходительно и не скрывали своего снисхождения. Розинский это чувствовал и старательно скрывал обиду. Это была его первая полнометражная картина, а они сделали по двадцать картин на своем веку и насмотрелись разных режиссеров. И потому, хоть фильм только начинал сниматься, уже были уверены, что из Розинского ничего путного не выйдет.

Они были не правы, но мы с Розинским не могли и не хотели с ними спорить или оправдываться. Доказывать правоту надо было картиной, а пока приходилось терпеть, так как снисходительное отношение к режиссеру выражалось не только во взглядах, но и в полном нежелании совершать лишние движения или усилия, из которых и состоит обычная жизнь съемочной группы.

Проезд машины, которой Надюша должна была помахать рукой, состоялся только к вечеру. Мы с ней оба к тому времени устали, потому что нет ничего утомительнее безделья, когда вокруг тебя все заняты. Надя все время возилась с щенком – щенку было скучно, он капризничал и просился домой. У меня в сумке оказался бутерброд, который я купил утром на вокзале, – из того набора в целлофановом пакете, в который входят два крутых раздавленных яйца, бутерброд с колбасой и огурец.

Мы смотрели с Надей, как щенок брезгливо водит носом над бутербродом, и тут сообразили, что голодны. Я ехал в поезде, а Надя искала щенка. Поэтому я уговорил Надю пойти в столовую, которая была в двухэтажном доме на косогоре. Половина первого этажа – столовая, половина – хозяйственный магазин.

Надя сначала отказалась идти, потому что у нее не было денег, но я убедил ее, что питание проводится за счет киногруппы. Я так и сказал: «Питание проводится», и казенный оборот ее сразил.

Выбор блюд был невелик – столовая вот-вот должна была закрыться. Щенок улегся под столом. Мы ели щи, а потом подавальщица сказала:

– Рыженькая, возьми котлеты.

Надя вскочила и побежала за котлетами, а я поглядел ей вслед, потому что удивился словам подавальщицы. И в самом деле увидел, что у Нади темно-рыжие волосы, густые и

непослушные, собранные на затылке резинкой. А когда Надя вернулась с тарелками и поставила их на стол, сказав мне: «Пожалуйста, кушайте», я пригляделся к ней. У нее была очень белая кожа в веснушках и зеленые глаза.

Надя почувствовала мой взгляд, и, видно, он показался ей строгим.

– Я сейчас, – сказала она. – Я уже наелась.

– Не спеши, – сказал я. – Ты в каком классе?

– В четвертом.

– А почему ты не в лагере?

– А у нас городской лагерь при школе. Виктория пришла и стала отбирать для массовки. Сначала только десять человек отобрала, а потом все начали кричать, что нечестно, и она всех взяла. Мы вчера снимались, а сегодня Виктория сказала, что щенок нужен. Она мне сказала, я сама не напрашивалась.

Я постарался вспомнить, в какой сцене нужны были дети, много детей. И не вспомнил.

– А что вы вчера играли? – спросил я.

– Мы кросс по улице бежали, а Лаврентьев за нами. Знаете Лаврентьева?

Лаврентьев был старым актером, всю жизнь игравшим эпизоды, из тех актеров, лица которых известны любому – фамилия почти никому.

– Тебе интересно было?

– Очень, – сказала Надя. – А сегодня неинтересно.

– Но ведь ты можешь смотреть, как снимаются другие.

– Один дубль интересно, а они по три дубля снимают. И солнца ждут.

Как быстро, подумал я, эти малыши впитывают кинолекси- кон. Слова «дубль», «массовка» звучали естественно, как «щенок».

– Можно, я ему кусок котлеты дам? – спросила Надя.

Я разрешил. Она тихонько сунула половину котлеты под стол, и щенок выхватил ее из пальцев Нади и принялся чав- кать.

– Потихе ты! – сказала ему Надя. – Нас выгонят.

– Компот будете брать? – спросила подавальщица.

Когда Надя подошла к ней за стаканами, подавальщица сказала:

– Собак у нас кормить нельзя.

– Я больше не буду, – сказала Надя.

– Ты хорошо учишься? – спросил я.

Надя удивилась вопросу. Хоть он был и стандартен в раз- говорах со взрослыми, от меня она его, видно, не ждала.

– Когда как, – сказала она.

Я поймал себя на том, что стараюсь вспомнить, что еще надо спрашивать в светском разговоре с незнакомым ребен- ком. Надя глядела на дверь. Я понимал, что она терпит сиде- ние в столовой, хотя компот уже выпит, потому что я взрос- лый, который ее накормил и накормил щенка. Но со мной ей неинтересно. И наше общение, таким образом, зашло в

тупик.

К счастью, в солнечном прямоугольнике открытой двери возник округлый силуэт Виктории.

– Я так и знала, – сказала она. – Кинозвезду похитили. Простите, автор, Надю ждут.

– Спасибо, – сказала Надя и быстро поднялась со стула. Сделала шаг к Виктории, и я физически ощутил овладевшее ею облегчение. Но, сделав шаг к Виктории, Надя вспомнила, вернулась к столу собрать посуду. Виктория ждала в дверях.

– Ничего, – сказал я. – Я отнесу. Иди.

– Пускай приучается, – сказала Виктория. – Успеем.

Мы с Надей отнесли грязную посуду на мойку. Надя кивнула мне и убежала. Я пошел следом. Я не спешил. Почему-то мне неловко было оттого, что Виктория застала нас в столовой. С какой стати московскому писателю кормить обедом девочку из массовки?

Я уселся на траву в сторонке, за камерой, чтобы режиссер меня не видел. Потому что, увидев меня, он обязательно стал бы спрашивать моих советов. Эти советы были ему не нужны, да и давать их – подрывать и без того хлипкий авторитет Розинского. Но ему казалось, что если он пригласил на съемки автора, то вежливость требует, чтобы автор не чувствовал себя покинутым.

«Жигуленок» раза четыре проехал мимо лужайки, и каждый раз Надя деловито махала «жигуленку», а щенок, словно заучив роль, вскакивал и лаял на машину.

Заходящее солнце создавало медный ореол вокруг Надиной головы. Она потеряла резинку и часто выпячивала нижнюю губу и дула вверх, чтобы отогнать с лица прядь волос.

Потом Розинский крикнул: «Стоп!» – и начал совещаться с оператором. Я потерял Надю из виду, а ко мне подошел знакомый актер, который начал патетически жаловаться на режиссера, потому что Розинский вызвал его с утра на площадку, но до сих пор так и не снял.

Я удивился, когда увидел Надю совсем рядом. Она держала щенка на руках и явно ждала меня.

– Ты что? – спросил я.

– Моя мама пришла, – сказала она. – Хотите поглядеть?

Несколько женщин стояли возле складного столика у сходней. За столиком сидел администратор и оплачивал талоны массовки.

Надя угадала мое желание. Мне хотелось поглядеть на ее мать, потому что я надеялся в матери увидеть Надю, какой она станет лет через двадцать.

Я долго не мог угадать ее мать среди женщин. Она оказалась сухонькой чернявой женщиной лет тридцати с узким капризным лицом. Надя поняла мое разочарование, сказала, как всегда, рассудительно:

– Я на отца похожа. Он от нас ушел.

Надина мать спорила о чем-то с администратором.

– У нас с деньгами несладко, – сказала Надя. – Отец совсем не присылает. А мать санитаркой в больнице.

И, увидев, что мать считает деньги, Надя пошла к ней, не попросившись со мной, потому что больше нам не о чем было разговаривать.

На следующий день я не выспался. Сначала в номер к Розинскому пришли оператор и звукооператор, и мы ужинали. Жена Розинского наварила картошки. Пришел тот актер, который жаловался на простой, принес копченого леща, которого ему подарили поклонники из воинской части. В буфете было только шампанское. Мы разговаривали бестолково, долго, я затруднился бы вспомнить, о чем. Вернее всего, об экстрасенсах, плохом климате, лесных пожарах, рыбалке, интригах на студии, машинах, акселерации, катастрофах, футболе. А может быть, о летающих тарелочках, плохих комедиях, землетрясениях, ценах на помидоры, хоккее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.